

ГОСУДАРСТВО КАК ГАРАНТ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ БЕЛОРУСОВ И ИХ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

**Михаил
КУСТОВСКИЙ,**
кандидат
исторических наук

Жизнь человека (как и историческое бытие народа) есть обречение опыта, процесс самоидентификации. Национальные традиции складываются в ходе истории: что-то передается от поколения к поколению на генетическом уровне, что-то усваивается в процессе образования, с помощью национального искусства, литературы.

Очень велика роль в этом процессе национальной школы – важнейшего канала передачи информации. Интересно, что два видных исторических деятеля, современники О. Бисмарк и М. Муравьев, понимали эту роль, ее значение в формировании национального сознания. Первый заявлял, что битву при Садовой, важную для становления национального германского государства, выиграл школьный учитель. Второй полагал, что русская школа способна успешно завершить работу русского штыка, то есть превратить детей повстанцев 1863 года в лояльных подданных российского императора.

«Гуманитарная составляющая» образования во многом обеспечивает связь личности с народом, нацией. Народ не может жить независимо от своего исторического прошлого. «Можно обратиться к национальному прошлому, разыскивая в нем те же самые добродетели и грехи, цели и предназначения, союзы и антагонизмы или, наконец, ту же самую «национальную идею», как это делают, например, некоторые романтики. Можно смотреть на прошлое с целью увидеть, прежде всего, изменения, бесчисленные метаморфозы, какие испытала нация на протяжении столетий» [1, с. 422]. Среди духовных ценностей каждого народа выделяется национальный миф, идеализированное представление о своей истории.

У многих европейских народов национальный миф серьезно не противоречит собственно исторической науке. Но здесь важно не то, насколько восприятие тех или иных

событий, исторических лиц соответствует действительности, а важна цельность, непротиворечивость восприятия главнейших моментов национальной истории. История как наука стремится получить достоверные знания о прошлом, хотя на этом пути нам дана возможность лишь его интерпретации. Влияние национальных традиций на содержание духовных ценностей в современном обществе невозможно оценить без учета исторической мысли и гуманитарных знаний вообще. Изучать традицию – это, скорее, изучать то, как общество переживает свое прошлое, а не то, каково само это прошлое. События часто выступают врагом традиций: новые ситуации, проблемы требуют порой иного, нестандартного реагирования. Но обычно трудно навязать обществу представления, которые совершенно или сравнительно чужды и не входят в живое коллективное наследие.

Больше века Польша отсутствовала на политической карте мира, но в сознании поляков сохранялась память о веках самостоятельной государственной жизни. Сохранялись определенные национальные традиции, развивалась польская историческая наука, польская литература (вспомним хотя бы исторические романы Г. Сенкевича), польская живопись, музыка... Это сохранило самосознание нации, географически разорванной тремя империями, но воссоединившейся в 1918 году. Судьба Беларуси иная. Одна интересная особенность отмечается уже на раннем периоде ее истории. «Конфликт между христианской ориентацией власти и языческой инертностью населения стал со времен Миндовга главной внутренней политической проблемой» [2, с. 193]. Так современный литовский автор характеризует особенности политической культуры Великого княжества Литовского XIII века. Нетрудно увидеть здесь истоки определенной исторической традиции: власть в разные периоды будет менять идеологические ориентиры и требовать от народа быстрой «перестройки», не особо

Борис СОКОЛОВ

считаясь с его предпочтениями и ценностями. Белорусский народ играл то очень важную, то менее значительную роль в составе Речи Посполитой и Российской империи. Великое княжество Литовское, основу которого составляли белорусские земли, вело долгую борьбу с Московским княжеством. При этом вплоть до смерти Витовта (1430) преимущество было на стороне Великого княжества Литовского. Быть может, если бы Витовт довел свои планы коронации до конца, укрепил независимость государства и обеспечил преемственность власти, история Восточной Европы сложилась бы иначе. Ведь на престоле в Москве сидел Василий II, его родной внук. История не знает сослагательного наклонения, но могло сложиться сильное государство со столицей в Вильно, включавшее и московские земли. За что, в сущности, шла борьба между Москвой и Вильно? За создание единого государства, которое объединило бы народы, сохраняющие память общего исторического прошлого – Киевской Руси. «Канцэпцыя «рускай нацыі», «рускага народа» як аднароднага цэлага, якое складаецца са шляхты, духавенства і «пасольства», у канцы XVI стагоддзя яшчэ больш умацавалася» [3, с. 77].

Отношения этих двух государств носили сложный характер, но сводить их только к вражде исторически неверно. В 1380 году, важном для русской истории (это год Куликовской битвы), один сын великого князя литовского Ольгерда, Ягайло (его матерью была дочь тверского князя), ведет войско на помощь Мамаю. Историки спорят: почему не довел? Другой сын Ольгерда, Андрей, стоит во главе русских войск. За его спиной как простой воин – московский князь Дмитрий, которому не так давно Ольгерд грозил копьём у стен Москвы. Иван IV – его некоторые политики Великого княжества Литовского хотели видеть во главе своего государства – по матери происходил из белорусского рода Глинских. Американский историк О. Бэкус подробно рассмотрел вопрос перехода части элиты Великого княжества Литовского на службу в Москву и как эти перебежчики с несколько иными политическими и культурными представлениями повлияли на московское общество. «Более ясное понимание причин перехода западно-русской знати из литовской службы в

московскую службу показывает определенные причины, увеличившие могущество Московского государства» [4, р. 6]. Симеон Полоцкий, ставший деятелем российской истории, «адзін з першых знакамітых беларусаў, хто вымушаны быў эміграваць не толькі ў іншую краіну, але ў іншую, хоць і роднасную, культуру...» [5, с. 41]. Здесь можно говорить о становлении печальной исторической традиции – пополнять элиты Польши, России и более далеких стран выходцами из Беларуси.

Формирование собственно белорусской исторической и художественной литературы, национального самосознания, национального мифа начинается в последней четверти XIX века. Однако предварительные разработки были сделаны еще в начале XIX века историками Виленского университета. Процесс этот не завершен, он продолжается и сегодня. На него оказывали и оказывают влияние грандиозные события всемирной истории – революции, распады империй, мировые войны. Когда труды пишутся, а взгляды формируются в периоды общественных и государственных конфронтаций, то трудно ждать академической беспристрастности. На политическое поведение граждан СССР накануне 1991 года сильно повлияло утверждение, которое через средства массовой информации публицисты и политики внедрили в сознание миллионов, что путь страны после 1917 года был путем в тупик. Шло тотальное разрушение культурно-исторических символов советского общества, и все это в конечном счете политически обеспечило август 1991 года. Из тупика можно выбраться, только двигаясь назад, то есть в период, предшествующий революции 1917 года. Так утверждали тогдашние вожди и «властители дум». России данный посыл позволял сохранить историческую почву под ногами – основную, досоветскую часть национального мифа. Некоторая перестановка акцентов в оценках дореволюционной истории на массовое сознание уже серьезно влиять не могла. События 1380, 1612 или 1812 годов продолжали оставаться важнейшими культурно-историческими символами. В бывших союзных республиках ситуация в данной области была несколько иной. Теоретическое возвращение к 1914 году

КУСТОВСКИЙ

Михаил Николаевич.

Родился в 1952 году в Минске. В 1978 году окончил исторический факультет Минского государственного педагогического института.

С 1976 года – секретарь комитета комсомола ПТУ №34 г. Минска, организатор внеклассной и внешкольной работы СШ № 108 г. Минска. В 1983 году назначен заместителем директора по учебно-воспитательной работе ПТУ № 114 г. Минска. С 1986 года – преподаватель общественных дисциплин Минского архитектурно-строительного техникума, затем – Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники.

Работал главным инспектором управления кадровой и правовой работы Министерства образования. С 1997 года – советник-консультант, заместитель руководителя пресс-службы Президента Республики Беларусь.

С 2001 года – заместитель директора Института высших управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Кандидат исторических наук. Автор ряда публикаций по проблемам государственного управления, кооперативного строительства в БССР в 1921–1927 годах.

Сфера научных интересов: государственное управление, история Беларуси.

означало возвращение в Российскую империю, единую и неделимую. Естественно, новые независимые государства нуждались в иных исторических вехах. Прежняя история периода СССР имела в основе своей концепцию единства «братских народов». Культивировавшиеся в СССР политические традиции не предполагали возможность национальных конфликтов. Последнее таило будущие опасности и проблемы: замалчиваемые исторические сюжеты легли в основы концепций «отъединения». Процесс обычный и необходимый, но превращение истории в «политику, опрокинутую в прошлое», перенесение конфликтов далекого минувшего на оценку современного политического процесса нормальным, конечно, считать нельзя.

Точкой возврата для сторонников концепции «отъединения» в Беларуси является Великое княжество Литовское, которое имело опасного врага на своих восточных границах. Так как споры вокруг проблем национальной истории носят не академический характер, а через художественную литературу, популярные исторические очерки и массовые действия «включаются» в современный политический процесс, то политология не может их игнорировать.

Люди, поднимавшие над головой плакат «Путин, тебе нужна новая Орша!», работали над внедрением в политическое сознание белорусов определенных культурно-исторических символов. Они стремились изобрести и сформировать новую традицию. Надо ясно представлять, что речь идет о смене парадигмы «друг – враг». В этой ситуации конфликт ценностей может перерасти в конфликт интересов. Успех такой деятельности означает для Беларуси отказ от собственной цивилизационной идентичности, изменение внешней политики, системы экономических связей со всеми трудно прогнозируемыми последствиями.

Речь Посполитая и Россия оказались в конце XVI века единственными славянскими государствами, способными и на самозащиту, и на экспансию. Конфликты между ними растянулись на столетия. Если в конце XVI – начале XVII века успех часто сопут-

ствовал Речи Посполитой Обоих Народов, то дальнейшая ситуация известна.

В «Календары выдатных падзей і памятных дат беларускай гісторыі на 2001 год», подготовленном национально-культурной комиссией Консервативно-христианской партии – БНФ, эти события, которыми, по мнению составителей, стоит гордиться, называются так: «Паход войскаў Рэчы Паспалітай Двух Народаў на чале з Янам Каралем Хадкевічам на Маскву» [6, с. 3].

А как оцениваются эти же события западнее Бреста? Вспомним: трагическая история разделов и восстаний, судьба «косинеров» Костюшки, легионеров Домбровского, бойцов корпуса Понятовского, солдат Армии Крайовой, брошенных в 1944 году в Западную Беларусь с безнадежным заданием перехватить власть у отступающих немцев до подхода Советской Армии... На таком историческом фоне в сознании польского общества формируется мифологизированный образ «исторического врага на Востоке».

Интересно отметить, что в приоритетах польского политического мышления практически отсутствовала идея славянского единства, которая в различной форме присутствовала у других славянских народов. Это выражалось в формуле «мы не славяне, мы – поляки», в стремлении утвердить себя как нацию западную, европейскую [7, с. 249].

После Второй мировой войны в польское политическое сознание новая власть стремилась внести лозунг «От Польши Ягеллонов – к Польше Пястов». Такая попытка смены исторической парадигмы, начало которой положил выбор Ягайло, сделанный в 1385 году и связавший судьбу белорусских земель с Коронай, диктовалась отношениями с СССР. Надо было уйти от известного требования о «восстановлении границ 1772 года». Польша без Великого княжества Литовского таких границ просто не имела. Но она получила тогда, в 1945 году, земли Восточной Пруссии и Силезии. На уровне обыденного сознания это читалось примерно так: потеряли на востоке, получили на западе.

В 2000 году в Варшаве вышло исследование под общей редакцией польского историка Е. Клочковского «История Восточной и Центральной Европы». Один из главных тезисов его состоит в утверждении, что «период вхождения в Речь Посполитую определил под-

линное лицо Литвы, Украины и Беларуси» [8, с. 11]. Историко-культурный соблазн вернуться к «Польше Ягеллонов» сохранился. Аналогичную точку зрения можно встретить и у некоторых белорусских авторов. «Дзякуючы менавіта Люблінскай уніі Вялікаму княству Літоўскаму наканавана было праіснаваць яшчэ два стагоддзі. Два стагоддзі, якія далі магчымасць беларусам захаваць сваю тоеснасць і сфармавацца ў нацыю» [9, с. 23–33].

Концепция «исторического врага на Востоке» стала основой определенной исторической традиции, то есть события целого тысячелетия (от Владимира Святого до Михаила Горбачева) рассматриваются под этим углом зрения. После 1991 года данная традиция станет основой политической субкультуры, наиболее типичным представителем которой можно считать З. Позняка. Воплощение этой концепции в политической практике означало разрыв (или сокращение до предела) отношений с Россией. И не случайно ее приверженцы начинали историческую полемику с утверждения об особом месте Полоцкой земли, ее независимости от Киевской державы. Хотя совсем странно встречать в «Календары выдатных падзей і памятных дат беларускай гісторыі на 2001 год» упоминание о «разгроме ліцвінска-полацкім войскам рускіх дружын каля межаў летапіснай Літвы (1131 год)». С такой точки зрения – белорусы и русские не народы-братья, а исторические враги, хотя в то время ни русских, ни белорусов как особых общностей еще не было. Но достаточно вспомнить, что политическое сознание того далекого времени, воплощенное в «Слове о полку Игореве», воспринимает события на земле будущей Беларуси как часть общих бед и несчастий, пришедших на Русскую землю. Как пишет могилевский историк И. Марзалюк, «...можна з упэўненасцю лічыць, што пачатак сваёй гістарычнай традыцыі адукаваная частка насельніцтва Беларусі ў 14–16 стагоддзях адназначна звязвала з Кіеўскай Руссю» [10, с. 19]. Конкретные проблемы этногенеза современных русских и белорусов интересны как научная проблема, но не первостепенны при рассмотрении их политической истории, как и у любого народа современной Европы. В данном случае спор идет о том, имеет ли стремление вос-

точных славян к единству исторические корни, право на существование среди духовных ценностей, политических традиций белорусов. Иррациональное могущественно в истории: амбиции или ошибки тех или иных деятелей прошлого решили тогда спор Москвы и Вильно в пользу Москвы. Но, имея в виду превратности этого спора на полях сражений или свадебных пирах (от свадьбы дочери Витовта Софьи до брака Елены Глинской), не следует забывать о его сути. Она состояла в попытках создать единое государство. И объективно существовавшее тогда сознание прежнего историко-культурного единства (при понимании возникших отличий) этому помогало. Иное прочтение истории объективно должно подвести базу под попытки окончательной дезинтеграции европейской части бывшего СССР.

В 1917 году Февральская революция дала толчок к развалу Российской империи, то есть дезинтеграции того же региона. Очень скоро большевики (как и якобинцы в 1793 году) придут к выводу, что государство можно не разрушать, а использовать для преобразования общества. Далее логика событий (или ирония истории) приведет к созданию СССР.

Революция была коллективным творчеством народов Российской империи, и возлагать вину на какой-то определенный народ исторически неверно, хотя из политических соображений так иногда и делают.

Необходимо кратко охарактеризовать ситуацию 1917 года для Беларуси, ибо тогда определился путь страны до конца столетия. Февральская революция поставила в повестку дня проблемы национально-культурного и политико-государственного самоопределения народов рухнувшей империи. Белорусский вопрос в 1917 году тесно переплетен с российскими событиями, с восточной политикой Германии, с положением в Польше, Литве, Украине. Хотя становление белорусской национальной идеи можно отнести к началу 80-х годов XIX столетия (группа «Гоман», поэзия и публицистика Ф. Богушевича), процесс консолидации белорусского этноса, превращения его в современную нацию шел очень трудно. В составе Российской империи Беларусь не имела не только какой-нибудь политической самостоятельности, но даже не

СОКОЛОВ

Борис Моисеевич.

Родился в 1950 году в Иркутске. После окончания школы работал на Сибирском химкомбинате.

В 1976 году окончил исторический факультет Томского университета. Преподавал в средней школе г. Кемерово. Работал заведующим кабинетом гуманитарных дисциплин в Кемеровском областном институте усовершенствования учителей.

С 1999 года – начальник учебно-методического отдела Института высших управленческих кадров, старший преподаватель кафедры идеологии и политических наук Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Автор ряда публикаций по проблемам политической культуры и идеологической работы.

Сфера научных интересов: политическая культура, идеологические процессы, история Беларуси.

являлась административной единицей. Территория проживания белорусского этноса была разбита на несколько губерний, которые жестко управлялись Петербургом, а между собой системой управления никак не были связаны. В результате размывалась культурно-историческая самобытность края, шла его унификация с другими российскими регионами.

В отличие от Польши, Украины, Литвы белорусский этнос целиком проживал в границах империи. Белорусский вопрос был

внутренним делом России. До Первой мировой войны Беларусь не входила в сферу интересов никакой другой державы. Следует также отметить, что перед Первой мировой руководители белорусского национального движения не были сторонниками этнонационального государства – они считали Беларусь частью былого Великого княжества Литовского. Поэтическим воплощением этих взглядов можно считать замечательную «Погоню» М. Богдановича: «Мо яны, Беларусь, панясліся за тваімі дзяцьмі ўздагон, што забылі цябе, адракліся, прадалі і аддалі ў палон?» [11, с. 314].

Когда в 1915 году немецкие войска заняли часть Беларуси и Литвы, эта идея воплотилась в попытку создания Конфедерации Великого княжества Литовского блоком белорусских, литовских, польских и еврейских национальных деятелей.

В сложной исторической ситуации, под воздействием многих внешнеполитических обстоятельств, белорусская государственность реализовалась в форме Белорусской Советской Социалистической Республики в составе СССР..

Рубежом стал 1991 год. За ним нацию ожидали независимость, выбор пути и ответственность за принятые решения. Прежние государственные центры, символизирующие века ушедшей истории, – Вильно, Варшава, Петербург, Москва – навсегда остались за пределами государственных границ. «Как назвать свое государство и какой тип государственного устройства избрать? Какие принципы должны находиться в основе взаимоотношений между личностью, обществом и государством? Какие институты

государственной власти и управления в наибольшей мере соответствуют политической культуре белорусского народа?» [12, с. 3]. Эти и многие другие вопросы предстояло решить. Развитие независимого государства объективно требовало определиться с образами прошлого, историческими традициями, так как консолидация нации невозможна без согласия в этой области.

Если говорить образно, то Беларусь – это совокупность мыслей, представлений и действий, поведения ее граждан. Она такова, каковы они. Экономика, культура и идеология без них не имеют смысла. Людей делает белорусами (точно так же, как русскими или французами) не только общая территория, язык, общие предки, общее время жизни, но и одинаковое поведение. Этнические особенности проявляются в коллективных действиях. Но сами эти особенности оформились за века национальной истории. Нация формируется не только в пространстве, но и во времени. Можно исследовать и описать поведение народа в тех социальных ситуациях, которые повторялись достаточно часто, и на основе выведенных из исторического наблюдения закономерностей предсказать его с большой долей вероятности и управлять этим поведением. При том, разумеется, важнейшем условии, что объектом исторического наблюдения является реальное историческое бытие народа, а не воображаемое. Политики иногда склонны обижаться на народ, который оказывается не таким, каким они его себе представляли. Но любые преобразования будут успешны, если их стратегия согласуется с национальными идеалами, надеждами, интересами, а тактика учитывает не только потребности, но и возможности.

К. Ясперс писал: «Свобода возникает лишь с изменением человека. Ее нельзя создать посредством институтов, насильственно введенных в сообщество не претерпевших изменения людей; она связана с характером коммуникации, связей и общения между готовыми измениться людьми» [13, с. 34–37]. Можно согласиться с этим мнением выдающегося немецкого мыслителя, хотя термин «свобода» имеет крайне неопределенное содержание. Насильственный характер введения тех или иных институтов возможен или в случае оккупации страны врагом, или установления диктатуры тоталитарного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шацкий, Е. Утопия и традиция: пер. с пол. / Е. Шацкий. – М.: Прогресс, 1990.
 2. Гудавичюс, Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года: пер. / Э. Гудавичюс. – М.: Фонд им. И.Д. Сытина: Baltrus, 2005. – Т. 1.

Но, с другой стороны, любые политические институты сначала возникают для реализации потребностей общества и со временем уже предлагают обществу свои ценности и нормы. Людей подталкивает к изменениям информация.

Политические традиции народа любой страны связаны с наличием ценностной мотивации, верований, идеалов и убеждений, присущих национальному характеру. Исторический период в жизни белорусского народа, охватывающий время с конца XVIII века по 1991 год, означал жизнь в обществе, в котором особенно велика была роль проектного начала, «социальной инженерии». Хотя наиболее ярко это проявлялось в советский период, но было характерно и для Российской империи. В этом случае важно не понимание ответственности за собственную историю, а вера в проекты, адаптация к участию в них. Поэтому крах «проектов» («Великая Россия», «построение социализма») и сопровождающее крах насилие серьезно корректируют ценностные мотивации, политические традиции народа. «Например, ценности «свободы», «развития», «профессионализма», «успеха» в современном российском обществе, в отличие от западного, не относятся к числу наиболее важных, приоритетных. В то же время ценности «порядка» и «стабильности» для современного российского общества входят в число наиболее значимых и в целом более важны, чем для западного общества» [14, с. 78–87].

Выводы российских исследователей справедливы и для белорусской ситуации. (Отметим, что коллективная историческая память белорусов, неосознанное измерение традиции в дальних пластах сохраняли информацию о потрясениях, связанных с Люблинской унией, а потом с разделами Речи Посполитой.) Для белорусов следует добавить к этим ценностям государство, его сохранение. Ослабление государства всегда означало для сравнительно небольшого народа тяжелые испытания. Россияне государство не теряли никогда, а выход из кризисов оставался в коллективном сознании как победа. Яркое тому свидетельство – современный праздник 12 июня – День независимости России. Здесь очевидно почти явное желание трактовать для народного сознания образ прошлого – распад СССР как победу.

Таким образом, национальные исторические традиции указывают, что в культуре народов своеобразно, индивидуально. Выделение этих особенностей предполагает сравнительный анализ, в результате чего любое исследование в этой области приобретает компаративный контекст. Белорусские исторические политические традиции формировались у народа, столетиями не имевшего своего национального государства, пополнявшего своими лучшими представителями элиты Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи. Во всех этих империях белорусы были пограничным народом. С одной стороны, это приводило к обширным культурным контактам, но с другой – каждый военный конфликт отражался на жизни всего народа. Ослабление государства всегда означало вторжение врагов и ставило белорусов порой на грань уничтожения. Поэтому в политических традициях белорусов государство означает больше, чем важный политический институт с определенными функциями и задачами. Оно выступает здесь как гарант целостности и существования общества, устроитель всех сторон жизни. Советский период истории закрепил такой подход. Права человека в этих традициях прежде всего не политические свободы, парламент и независимые средства массовой информации, а безопасность и возможность мирного труда. Когда прошло более сорока лет после Великой Отечественной войны, общество, привыкшее к безопасности и стабильности, готово было проявить интерес к европейской трактовке прав человека. Но распад СССР в 1991 пробудил на ментальном уровне память о Люблинской унии, разделах Речи Посполитой, крушении Российской империи, когда речь шла не о праве голосовать, а о праве жить. Европейский политический опыт ориентировал людей на идеальные модели активного гражданина, имеющего право на оппозицию, смену власти на выборах и так далее. Отношение и оценочные суждения европейцев относительно современных Беларуси и России во многом этим и определяются. Европейские традиции, пришедшие в Беларусь как интеллектуальный опыт, породили впоследствии трудности диалога между частью элиты и основной массой народа. ■

3. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) / І.А. Марзалюк. – Мaгiлёў: МДУ імя А.Куляшова, 2003.
4. Backus, O. Motives of West Russian nobles in deserting Lithuania for Moscow, 1377–1514 / O.P. Backus. – Lawrence: Univ. of Kansas Press, 1957.
5. Падокшын, С.А. Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры / С.А. Падокшын. – Мінск: Беларуская навука, 2003. – 316 с.
6. Каляндар выдатных падзей і памятных дат беларускай гісторыі на 2001 год // Нар. воля. – 2001. – 13 лютага.
7. Лазуга, В. Палякі і ідэя славянскай супольнасці / В. Лазуга // Быць (або ня быць) сярэднеўрапейцам: Сучаснае польскае мысленне / уклад. і пер. В. Булгакава. – Мінск, 2000.
8. Поляков, Б. Политическое развитие Беларуси в оценке западных авторов (обзор) / Б. Поляков // Россия и современный мир. – 2001. – № 3.
9. Прыбытка, Г. Апалогія Рэчы Паспалітай / Г. Прыбытка // Arche=Пачатак. – 2003. – № 2.
10. Марзалюк, І. Гістарычная самаідэнтычнасць насельніцтва Беларусі ў 11–17 стст. / І. Марзалюк // Гіст. альм. – 2001. – Т. 5.
11. Багдановіч, М. Пагоня / М. Багдановіч // Поўн. зб. тв.: у 3 т. – Мінск, 1992. – Т. 1: Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды.
12. Мельник, В.А. Государственная идеология: понятие, элементы, функции / В.А. Мельник. – Минск: Тетей, 2002.
13. Ясперс, К. Цель – свобода / К. Ясперс // Новое время. – 1990. – № 5.
14. Пантин, В.И. Политическое самоопределение российского общества: внутренние факторы и ограничения / В.И. Пантин, В.В. Лапкин // Обществ. науки и современность. – 2006. – № 4.